Литературно-Агитаціонный Отдѣлъ Всероссійскаго
Центр. Комитета Совѣтовъ Раб. и Солд. Депутатовъ.

В. ВОЙТИНСКІЙ.

ПАДЕНІЕ РИГИ.

Цѣна 25 коп.

ПЕТРОГРАДЪ
1917.

Въ книжно-фронтовомъ складѣ Литерат.-Агитаціоннаго Отдѣла при Центральномъ Комитетѣ Совѣтовъ Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ имѣются слѣдующія рекомендованныя и просмотрѣнныя Отдѣломъ книги и брошюры:

Изд. Петр. Совѣта Раб. и Солд. Деп. «О наступленіи».—Ц. 12 к.

Изд. Всер. Центр. Исп. Ком. С. Р. и С. Д. «Объяснительная Записка къ Положенію о выборахъ въ Учред. Собраніе Особаго совѣщанія для изготовленія проекта Положенія о выборахъ».—Ц. 1 руб.

Евг. Маевскій. «Уроки 1905 г. и Революція 1917 г.».—Ц. 30 к.

П. Масловъ. «Что дѣлать съ землей?»—Ц. 12 к.

Его-же. «Политическія партіи и земельный вопросъ».—Ц. 25 к.

Ф. Данъ. «Всенародное Учредительное Собраніе».—Ц. 25 к.

И. Кубиковъ. «Рабъ и гражданинъ».—Ц. 25 к.

В. Сережниковъ. «Что такое Учредительное Собраніе».—Ц. 20 к.

Его-же. «Какъ укрѣпить новые порядки?»—Ц. 20 коп.

П. Юшкевичъ. «Задачи Учредительнаго Собранія».—Ц. 20 коп.

Его-же. «Что такое соціализмъ».—Ц. 20 коп.

Его-же. «Что такое народовластіе».—Ц. 20 коп.

Н. Пчелинъ. «Люди-братья».—Ц. 15 коп.

Вл. Короленко. «Паденіе царской власти».—Ц. 20 коп.

С. Масловъ. «Что такое соціализмъ?»—Ц. 15 коп.

Н. Андреевъ. «Съ царемъ или безъ царя».—Ц. 15 коп.

Его-же. «Учебникъ Русской исторіи».—Ц. 70 коп

Его-же. «Права гражданина».—Ц. 15 коп.

П. Гере. «Какъ священникъ сталъ соціалъ-демократомъ».—Ц. 40 коп.

В. Керженцевъ. «Какъ вести собранія».—Ц. 35 коп.

К. Тахтаревъ. «Что такое демократическая республика и возможна-ли она въ Россіи?»—Ц. 20 коп.

Б. Горевъ. «Кто такіе ленинцы».—Ц. 10 коп.

О. Волькенштейнъ. «Великая смута Земли Русской».—Ц. 30 коп.

Ольговичъ. «Законъ о выборахъ въ Учредительное Собраніе».—Ц. 15 коп.

А. Мартыновъ. «Очерки Русской исторіи» (вып. I-й).—Ц. 60 коп.

Его-же. «Очерки Русской исторіи» (вып. II-й)—Ц. 60 коп.

А. Гойхбаргъ. «Какой судъ нуженъ народу?»—Ц. 15 коп.

А. Анекштейнъ. «Государственный строй республиканскихъ странъ» (вып. I-й).—Ц. 40 коп.

Его-же. «Государственный строй республиканскихъ странъ» (вып. II-й)—Ц. 40 коп.

П. Сурминъ. «Чего хотятъ соціалисты?»—Ц. 10 коп.

В. Водовозовъ. «Что такое миръ на началахъ самоопредѣленія народовъ?»—Ц. 30 коп.

[illegible] «Равноправіе народностей».—Ц. 15 коп.

[illegible]*овъ.* «Кому нужны погромы?»—Ц. 25 коп.

[illegible]*итай.* «Кто такіе соціалъ-демократы и чего они хо[illegible]»—Ц. 20 коп.

[illegible] «Революція и организація деревни».—Ц. 25 коп.

[illegible]*ьде.* «Русскій солдатъ, братъ мой, спаси Бельгію».—[illegible]п.

[illegible] *Л. Щегло.* «Чему учатъ соціалъ-демократы».—[illegible]і.

I.

«Дезорганизованныя массы солдатъ неудержимымъ потокомъ устремляются по Псковскому шоссе и по дорогѣ Бидеръ-Лембургъ»...

Такъ изображала ставка ген. Корнилова бѣдственное отступленіе нашей арміи отъ Риги. Сообщеніе Ставки больно ударило по совѣсти всѣхъ, кому дорога честь революціонной арміи. И завязалась газетная полемика, закипѣла словесная борьба вокругъ вопроса о паденіи Риги...

Я былъ невольнымъ участникомъ этой борьбы, ибо мои телеграммы о событіяхъ сопоставлялись съ донесеніями Ставки. И одни опровергали мои сообщенія донесеніями Ставки, другіе опровергали Ставку ссылкой на мои телеграммы.

Но объ этой полемикѣ я узналъ лишь тогда, когда стихли рижскіе бои и наши войска укрѣпились на новой позиціи. А во время боевъ некогда было думать о томъ, что ради политическихъ цѣлей кто-то будетъ оспаривать правду моихъ сообщеній. Во время рижскихъ боевъ я дѣлилъ труды и опасности съ арміей и думалъ только о ней, о ея судьбѣ, объ обрушившемся на нее испытаніи.

Вслѣдъ за трагедіей разыгрался фарсъ. Вслѣдъ за боями подъ Ригой пришли Корниловскіе дни.

Верховный главнокомандующій, используя панику, порожденную нашей рижской неудачей, протянулъ руку къ верховной власти. Россія и армія дружнымъ отпоромъ встрѣтили эту попытку. Въ три дня отшумѣлъ и заглохъ мятежъ ген. Корнилова. Скоро сотрется самая память о немъ...

Но на время корниловскій фарсъ заслонилъ въ глазахъ общества рижскую трагедію. Изъ всей безконечной сложности этой

трагедіи въ сознаніи широкихъ слоевъ демократіи уцѣлѣла лишь одна крошечная, безплодная мысль:

— Армія геройски сражалась и честно гибла подъ огнемъ непріятеля, а ген. Корниловъ оклеветалъ ее.

Крошечная, безплодная мысль, успокаивающая нашу совѣсть, усыпляющая нашу энергію! Мысль, изъ которой возможенъ лишь одинъ выводъ:

— Все обстоитъ благополучно.

Но этотъ выводъ болѣе пагубенъ, болѣе опасенъ для арміи, чѣмъ клевета ген. Корнилова.

Этотъ выводъ—тупое примиреніе съ пораженіемъ...

Но для такого примиренія не даютъ основаній бои подъ Ригой. Кровь, пролитая на Двинѣ, должна быть искуплена. И она будетъ искуплена тогда, когда Рига станетъ нашей Нарвой и за Нарвой придетъ долгожданная Полтава революціи.

И Полтава придетъ, придетъ неизбѣжно, если въ насъ найдется сила и мужество на пораженіяхъ учиться побѣдѣ. Паденіе Риги должно научить насъ многому.

Въ три дня мы потеряли подъ Ригой прекрасно оборудованный плацдармъ, надъ укрѣпленіемъ котораго трудились полтора года. Позиціи на лѣвомъ берегу Двины считались у насъ неприступными,—въ нихъ многіе видѣли второй Верденъ. И отъ этихъ позицій мы отступили почти безъ боя, такъ какъ противнику удалось вдали отъ этихъ позицій прорвать фронтъ нашей арміи.

Какъ это случилось? Съ кого должны мы спросить отвѣтъ за пораженіе и неудачу?

У общества не было сомнѣній и колебаній при опредѣленіи виновниковъ пораженія, когда наши войска отступали изъ Восточной Пруссіи и Галиціи, тогда все объяснялось именами измѣнниковъ Мясоѣдова и Сухомлинова. Не было мѣста сомнѣніямъ и колебаніямъ и послѣ недавняго удара, постигшаго насъ подъ Тарнополемъ,—тогда все объяснилось словомъ «позоръ».

Подъ Ригой не было ни измѣны, ни позора.

Послѣ рижской катастрофы въ солдатской массѣ лишь единичные голоса обвиняли во всемъ генераловъ. На дорогѣ, на

бивуакахъ и среди истомленныхъ, усталыхъ людей изрѣдка слышали ъ рѣчи:

— Генералы нарочно не дали резервовъ.

Но эти слова произносилисъ безъ гнѣва, безъ вѣры въ правоту обвиненія; въ нихъ звучала усталость, а не возмущеніе.

Съ другой стороны, послѣ рижской катастрофы раздавались въ печати единичныя обвиненія противъ солдатъ. Въ газетахъ былъ открытъ походъ противъ армейскихъ организацій, противъ партій и группъ, которымъ вѣритъ армія. Но этотъ походъ быстро оборвался.

И вотъ прошло такъ мало времени послѣ пораженія подъ Ригой, и никто ужъ не связываетъ нашей русской неудачи ни съ измѣной генераловъ, ни съ позоромъ солдатъ. Для всѣхъ ясно, что подъ Ригой не было ни того, ни другого, — ни позора, ни измѣны.

Радоваться-ли этому или печалиться?

Не знаю...

Быть можетъ, измѣна и позоръ лучшее, о чемъ можно говорить послѣ пораженія. При измѣнѣ можно обнаружить и казнить измѣнниковъ. При позорѣ можно напряженіемъ нравственной силы народа преодолѣть пережитое униженіе.

Но кого казнить, если нѣтъ измѣны? Къ чему приложить пробужденныя пораженіемъ силы народнаго духа, если нѣтъ позора?

Пораженіе, нанесенное намъ безъ измѣны и безъ позора, свидѣтельствуетъ о нашей слабости, которая, быть можетъ, граничитъ со смертью народа... Но слабость еще не смерть. Слабость можетъ быть побѣждена.

Рига свидѣтельствуетъ о нашей тяжкой болѣзни.

Вглядимся въ ходъ рижскихъ боевъ, — и намъ станетъ понятна эта болѣзнь. А, понявъ болѣзнь, мы найдемъ и средства ея излеченія.

II

Натискъ нѣмцевъ на Двинѣ не явился для насъ неожиданностью.

Въ теченіе трехъ недѣль изо дня въ день мы получали сообщенія о приготовленіяхъ противника. Агентура доносила объ

ударѣ, подготовляемомъ нѣмцами подъ Икскюлемъ. Военная развѣдка сообщала о скопленіи вражескихъ силъ въ районѣ Нейгутъ-Бальдонъ. Перебѣжчики разсказывали о переброскѣ на Сѣверный фронтъ дивизій съ юга и съ запада.

Мы ждали удара въ районѣ Икскюля. И мы заранѣе знали, когда будетъ нанесенъ этотъ ударъ.

18 августа въ расположеніе нашихъ войскъ вышелъ перебѣжчикъ-эльзасецъ. Онъ предупредилъ насъ, что въ три часа утра нѣмцы начнутъ артиллерійскую подготовку, а спустя сутки предпримутъ попытку форсированія Двины.

Сообщеніе перебѣжчика было передано частямъ, и всю ночь съ 18 на 19 августа люди, не смыкая глазъ, ждали начала канонады.

Канонада началась на $1^1/_2$ часа позже, чѣмъ мы ожидали,— не въ 3 ч., а въ 4 ч. 30 м. утра. Люди, четвертый годъ находящіеся въ строю, увѣряли меня, что подобнаго ураганнаго огня до рижскихъ боевъ не развивала ни одна сторона. Въ теченіе нѣсколькихъ часовъ на фронтѣ въ нѣсколько десятковъ верстъ протяженіемъ земля гудѣла, такъ что не слышно было ни отдѣльныхъ разрывовъ, ни промежутковъ между залпами.

Нѣмцы били безъ промаха, по заранѣе вымѣреннымъ и пристрѣлянnымъ цѣлямъ. И здѣсь, то сказалось, какъ использовали наши враги предшествовавшій рижскимъ боямъ періодъ затишья и братаній на фронтѣ.

Въ ранцѣ убитаго нѣмецкаго солдата наши стрѣлки нашли карты рижскаго района, тонко вычерченныя карты, прекрасно отпечатанныя въ три краски на плотной бумагѣ. На одной изъ картъ были нанесены всѣ дороги и даже тропинки въ районѣ расположенія нашихъ войскъ. На другой картѣ мы нашли обозначеніе всѣхъ нашихъ укрѣпленій первой и второй полосы,— окопы, ходы, сообщенія, убѣжища, блиндажи, батареи. На третьей картѣ былъ намѣченъ планъ предполагаемыхъ операцій нѣмцевъ послѣ ихъ переправы на нашъ берегъ. Но всего поразительнѣе была четвертая карта, носившая названіе: «Цѣли для батарей въ рижскомъ районѣ». На этой картѣ весь нашъ плацдармъ былъ разбитъ на участки съ разнообразной штриховкой и условными

знаками: штриховка и знаки указывали, какое число какого калибра орудія сосредоточено нѣмцами для обстрѣла каждаго аршина нашихъ позицій...

До сихъ поръ мы не знаемъ въ точности, какъ велики были силы артиллеріи, выставленной противъ насъ нѣмцами на Двинѣ. Военноплѣнные называли фантастическую цифру до 460 батарей 4-хъ орудійнаго состава. Вѣроятно, эта цифра сильно преувеличена, но несомнѣнно, что силы нѣмецкой артиллеріи на Двинѣ были очень значительны.

И убійственная сила развитаго непріятелемъ огня во много разъ увеличивалась тѣмъ, что нѣмцы били по нашимъ расположеніямъ, какъ по видимой цѣли, зная прекрасно, гдѣ что у насъ находится. Воздушная развѣдка, шпіонажъ и братанье—все пошло на пользу нашимъ противникамъ...

Въ качествѣ первой цѣли, нѣмцы намѣтили блиндажи нашихъ артиллерійскихъ наблюдателей въ первой линіи окоповъ и въ самомъ началѣ канонады часть нашихъ блиндажей была разрушена, у другихъ была перебита связь съ батареями. Наши батареи остались, какъ безъ глазъ,—имъ пришлось стрѣлять наугадъ, въ-слѣпую, руководствуясь старой пристрѣлкой, безъ корректированія стрѣльбы.

Тутъ сказались результаты нашей безпечности, нашего неумѣнія работать, не было у насъ ни запасныхъ наблюдательныхъ пунктовъ, ни запасныхъ позицій, на которыя можно было бы перевести при нуждѣ батареи.

А нѣмцы обстрѣливали наши расположенія методически, по строгому плану.

Первые 3—4 часа огонь былъ направленъ, главнымъ образомъ, противъ нашихъ батарей. Стрѣльба велась химическими снарядами и гранатами большого калибра. Часамъ къ 10—11 утра прибрежный лѣсъ былъ сплошь, какъ туманомъ, окутанъ удушливыми газами. Часть нашихъ пушекъ была къ этому времени подбита. У иныхъ батарей была перебита или задохлась прислуга. А нѣкоторыя пушки были брошены нашими артиллеристами, такъ какъ работа въ облакахъ удушливыхъ газовъ стала невозможна.

Около 11 часовъ утра прозвучали послѣдніе одиночные пу-

шечные выстрѣлы съ нашего берега,—и наша артиллерія замолкла, замолкла на цѣлыя сутки.

Послѣ этого всю силу огня своихъ батарей нѣмцы перенесли на первую линію нашихъ окоповъ.

Ударъ обрушился на 186 дивизію, занимавшую участокъ 18 верстъ протяженіемъ внизъ по Двинѣ за устьемъ Огера.

Въ теченіе 8 часовъ окопы 186 дивизіи подвергались дѣйствію ураганнаго огня. И напряженность этого огня возрастала непрерывно, такъ какъ нѣмцы начали съ обстрѣла участка шириной въ 40 верстъ и постепенно сужали площадь обстрѣла, направляя все большее количество батарей и орудій туда, гдѣ они предполагали устроить переправу черезъ Двину. Наибольшаго напряженія обстрѣлъ окоповъ достигъ около полудня, когда нѣмцами былъ перенесенъ на окопы огонь батарей, бившихъ до того времени по нашей артиллеріи.

186 дивизія не выдержала огня и начала отступать. Одинъ за другимъ подъ командой своихъ офицеровъ, отступили полки изъ разрушенныхъ вражескими снарядами окоповъ. Отступили они послѣ значительныхъ потерь, и отступленіе ихъ не было бѣгствомъ.

Полки покинули окопы, вынося на рукахъ своихъ раненыхъ, соблюдая порядокъ въ тѣхъ предѣлахъ, въ какихъ возможенъ порядокъ въ разгаръ боя, когда прервана телефонная связь между частями, когда смерть разбросала свои заставы на всѣхъ дорогахъ, на всѣхъ перекресткахъ, когда за громомъ разрывовъ и залповъ не слышно человѣческаго голоса.

Но въ нѣкоторомъ разстояніи отъ первой линіи окоповъ порядокъ отступленія полковъ 186 дивизіи нарушился, —люди вступили въ полосу лѣса, наполненнаго удушливыми газами отъ химическихъ снарядовъ.

Здѣсь каждый думалъ о томъ, какъ скорѣе пройти черезъ поле смерти. Многіе отступали черезъ эту полосу бѣгомъ, нѣкоторые солдаты побросали винтовки, цѣлыя роты разсыпались. Связь полковъ, которая поддерживалась въ окопахъ непосредственной близостью солдатъ другъ къ другу, порвалась...

Какъ оцѣнить это отступленіе 186 дивизіи?

Позорное бѣгство? Я слышалъ эту оцѣнку и отметаю ее: дивизія не бѣжала, и въ ея отступленіи *послѣ тяжелыхъ потерь* не было позора.

Геройство? И эту оцѣнку пришлось мнѣ слышать, но и ее я долженъ отбросить: не было геройства въ этомъ, *въ достаточной степени, безпорядочномъ* отступленіи черезъ заполненный ядовитыми газами лѣсъ.

Не было ни позора, ни славы. Была стойкость передъ лицомъ смерти въ теченіе нѣсколькихъ часовъ, а затѣмъ стойкость смѣнилась проявленіемъ человѣческой слабости.

Стойкость была, пока наша артиллерія, хоть изрѣдка, отвѣчала противнику. Слабость заговорила, когда наша артиллерія смолкла, и пѣхота почувствовала, что она предоставлена собственной судьбѣ.

Дивизія отступила. Тогда нѣмцы быстро перебросили на нашъ берегъ передовой отрядъ на заранѣе припасенныхъ лодкахъ, затѣмъ установили три понтонныхъ моста и по нимъ перешли Двину главными силами.

Мы узнали объ этомъ отъ случайныхъ свидѣтелей переправы. Случайно уцѣлѣло подъ ураганнымъ огнемъ нѣмецкой артиллеріи небольшое убѣжище въ первой линіи нашихъ окоповъ. Въ немъ укрывалась кучка стрѣлковъ. За гуломъ разрывовъ они не слышали, какъ люди слѣва и справа отъ нихъ ушли изъ окоповъ. Въ убѣжищѣ они ждали, когда стихнетъ ураганный огонь. Послѣ прекращенія адской канонады, услышавъ въ наступившей внезапно тишинѣ шумъ веселъ на рѣкѣ, они вышли изъ убѣжища и черезъ разрушенный брустверъ окопа увидѣли множество лодокъ, направлявшихся черезъ рѣку. На нашемъ берегу въ это время уже не было никого, и земля кругомъ была вспахана вражескими снарядами. Стрѣлки открыли огонь по приближающимся лодкамъ, оттуда раздался отвѣтный залпъ. Лишь три человѣка изъ кучки нашихъ стрѣлковъ осталось въ живыхъ. Раненые, кое-какъ пробрались они черезъ лѣсъ до нашихъ отрядовъ, и отъ нихъ мы узнали о томъ, какъ перебрались нѣмцы черезъ Двину.

Но этотъ успѣхъ нѣмцевъ утромъ 19 августа еще не озна-

чалъ прорыва нашего расположенія. Это была лишь *побѣда въ артиллерійскомъ бою,* побѣда, которая, сама по себѣ, не даетъ побѣдителю рѣшительныхъ преимуществъ надъ побѣжденнымъ.

Нашъ планъ защиты Двины былъ построенъ на допущеніи возможности переправы противника на нашъ берегъ; задачей войскъ, занимающихъ окопы вдоль Двины, было, въ случаѣ переправы противника, контръ-атаками сбросить его въ рѣку. И рѣшающимъ вопросомъ было: справятся-ли наши войска съ *этой* задачей? смогутъ-ли они *встрѣчнымъ ударомъ* возстановить поколебленное положеніе?

Этотъ вопросъ рѣшался боемъ послѣ полудня 19 августа и боями слѣдующаго дня.

III.

Переправившись черезъ Двину, нѣмцы не сразу двинулись вглубь лѣса въ преслѣдованіе нашихъ отступившихъ частей. Задержавшись на берегу, они дождались, пока поднялись наполнявшіе лѣсъ удушливые газы. А затѣмъ, скопившись на нашемъ берегу въ числѣ трехъ полковъ, они тремя отрядами пошли впередъ. Одинъ отрядъ ударилъ къ сѣверу, по ближайшему направленію на шоссе, соединяющее Ригу съ Псковомъ; другіе два отряда пошли налѣво и направо въ тылъ нашимъ частямъ, остававшимся на позиціяхъ вдоль рѣки, по сторонамъ отъ разгромленнаго участка 186 дивизіи.

Артиллерійскій бой стихъ. Наша артиллерія молчала, такъ какъ намъ не изъ чего было стрѣлять. Нѣмецкая артиллерія бездѣйствовала, такъ какъ при обстрѣлѣ плацдарма ей пришлось бы бить по своимъ.

Задача нѣмцевъ сводилась къ тому, чтобы оттѣснить насъ возможно дальше отъ рѣки, расширить захваченный плацдармъ, закрѣпиться на его рубежахъ и обезпечить возможность скопленія на нашемъ берегу силъ, достаточныхъ для рѣшительнаго развитія успѣха.

Наша задача была: не допустить распространенія нѣмцевъ, отбить ихъ къ рѣкѣ, сбросить ихъ въ Двину.

Задача рѣшалась въ обстановкѣ полевой, маневренной войны. Части не были связаны окопами, но находились въ движеніи. Исходъ борьбы зависѣлъ здѣсь отъ подвижности, гибкости воинскихъ частей, отъ ихъ умѣнія приспособляться къ обстановкѣ.

При этомъ условія для нѣмцевъ складывались болѣе благопріятно, чѣмъ для насъ. На сторонѣ нѣмцевъ было преимущество наступленія. Они могли дѣйствовать небольшими отрядами, свободно выбирая точку удара. Наши же части растянулись длинною цѣпью вокругъ захваченнаго нѣмцами плацдарма, и принуждены были принимать бой тамъ, гдѣ того желалъ противникъ.

Въ теченіе второй половины дня 19 августа наши войска нѣсколько разъ пытались выйти изъ состоянія пассивной борьбы, нѣсколько разъ переходили въ атаку. Но противникъ, не принимая удара, отступалъ передъ нашими войсками и открывалъ по нимъ артиллерійскій огонь. Тогда наши полки отходили...

Связи, согласованности въ дѣйствіяхъ нашихъ полковъ и было. Не было также необходимой рѣшительности, настойчивости. Проявлялась спутанность, неувѣренность.

Эти черты характерны для боевъ 19 августа и для боевъ послѣдующихъ дней.

Наши полки, получивъ приказъ о наступленіи, покорно шли въ бой.

Шли навстрѣчу смерти стройными рядами, съ ясными лицами, съ твердымъ сознаніемъ, что такъ нужно.

И если-бы сила боевого удара измѣрялась готовностью людей къ смерти, то наши полки 19 августа одержали бы побѣду.

Но *побѣда достается въ бою не тѣмъ, кто готовъ погибнуть, а тѣмъ, кто твердо рѣшилъ побѣдить, кто вѣритъ въ побѣду и идетъ къ побѣдѣ твердымъ шагомъ.* А этой воли къ побѣдѣ, рѣшимости побѣдить не было у насъ 19 августа ни въ солдатахъ, ни въ офицерахъ. Вмѣсто этой рѣшимости въ нашихъ полкахъ была лишь *готовность погибнуть за родину.*

Эту готовность погибнуть читалъ я на лицахъ проходившихъ мимо меня солдатъ и офицеровъ. Съ развернутымъ знаме-

немъ и марсельезой выступилъ въ бой одинъ изъ латышскихъ стрѣлковыхъ полковъ. Но и въ этомъ полку знамя и марсельеза, и мѣрный шагъ, и стройность рядовъ, — все говорило объ *энтузіазмѣ жертвы, а не о порывѣ борьбы.*

И въ десяти мѣстахъ на обширномъ плацдармѣ разыгрывалась одна и та же картина.

Приказъ о наступленіи. Полкъ выступаетъ въ полномъ порядкѣ и занимаетъ намѣченное для него положеніе. Приближается противникъ. Полкъ встрѣчаетъ его ружейнымъ и пулеметнымъ огнемъ. Послѣ короткой перестрѣлки нѣмцы отходятъ назадъ. Ясно, что ихъ отступленіе имѣетъ цѣлью ввести въ бой артиллерію,—значитъ нужно преслѣдовать, гнать нѣмцевъ, на ихъ плечахъ пробиваться къ пушкамъ, установленнымъ гдѣ-то невдалекѣ. Но нашъ полкъ, довольный тѣмъ, что удалось отбить вражескую атаку, остается на мѣстѣ. Начинается артиллерійскій обстрѣлъ расположенія полка, — падаютъ на землю снаряды, рвутся шрапнели. Ряды полка таютъ. Достаточно пробѣжать впередъ нѣсколько сотъ шаговъ, достаточно войти вновь въ соприкосновеніе съ противникомъ — и люди выйдутъ изъ полосы огня, и явится возможность продолжать движеніе впередъ безъ потерь или съ ничтожными жертвами. Но нѣтъ порыва для этого движенія впередъ. И полкъ остается неподвижно на мѣстѣ. Затѣмъ, послѣ того, какъ ряды его порѣдѣютъ подъ артиллерійскимъ огнемъ противника, полкъ начинаетъ отступать.

Очередная атака превращается, такимъ образомъ, въ выставленіе очередного полка подъ разстрѣлъ.

Къ вечеру 19 августа въ нашихъ войскахъ начали проявляться признаки утомленія.

Отдѣльныя роты, отступая, приходили въ разстройство, разсѣивались по лѣсу. Затѣмъ, спустя 10—20 минутъ, разбѣжавшіеся подъ вражескимъ огнемъ солдаты вновь собирались и возвращались въ бой. Но въ бой они возвращались лишь для того, чтобъ служить здѣсь живой мишенью для пуль и снарядовъ врага. Въ районѣ боя они держались подъ огнемъ нѣкоторое время, а затѣмъ на полѣ оставались лишь трупы убитыхъ да раненые, пощаженные смертью, а остальные снова откатывались назадъ.

Много проявленій героизма и мужества видѣлъ я въ этотъ день въ лѣсахъ и на дорогахъ надъ Двиной.

Видѣлъ десятки раненыхъ, вышедшихъ изъ боя съ оружіемъ въ рукахъ. Видѣлъ людей, которые подъ жестокимъ огнемъ за много верстъ на рукахъ вынесли раненаго товарища. Видѣлъ людей, съ радостной готовностью шедшихъ на смерть.

Одного лишь не видѣлъ я въ этотъ день въ нашихъ войскахъ: не видѣлъ я въ нихъ *воли къ побѣдѣ и вѣры въ возможность побѣдить врага.*

IV.

Къ ночи съ 19 на 20 августа въ рукахъ нѣмцевъ остался обширный плацдармъ въ 10—15 верстъ шириной и въ 5 верстъ глубиной. Мы укрѣпились сплошной цѣпью вокругъ этого плацдарма на заранѣе подготовленныхъ позиціяхъ.

За ночь нѣмцы перебросили на нашъ берегъ свѣжія войска и подвезли артиллерію. Подтянули и мы кое-какіе резервы. Но для насъ стягиваніе войскъ затруднялось дальними разстояніями, тогда какъ нѣмцы дѣйствовали войсками, заранѣе собранными для удара на лѣвомъ берегу Двины.

20 августа бои возобновились съ разсвѣтомъ и тянулись до глубокой ночи. Нѣмцы, развивая успѣхъ, достигнутый наканунѣ, старались пробиться къ сѣверу, чтобъ выйти на шоссе. Наши войска старались задержать ихъ. И опять, какъ наканунѣ, противникъ билъ короткими ударами то въ одну, то въ другую точку, и въ каждой точкѣ удара оказывался сильнѣе насъ. И опять, какъ наканунѣ, наши части постепенно отступали подъ натискомъ противника. При этомъ линія нашего расположенія удлинялась все больше и больше, а вмѣстѣ съ тѣмъ наша цѣпь вокругъ плацдарма становилась все болѣе тонкой, все болѣе жидкой.

Войска наши стремились во что бы то ни стало сохранить сплошное расположеніе, какъ при позиціонной войнѣ. Солдаты и офицеры старались не обнажить фланговъ своей части, не утратить ея соприкосновенія съ другими частями налѣво и направо.

При разрывѣ связи и обнаженіи фланга каждый разъ возникало безпокойство въ войскахъ; родился слухъ о томъ, что отрядъ обойденъ и отрѣзанъ противникомъ. Въ это время нѣмцы дѣйствовали небольшими отрядами, ничего не имѣя для прикрытія фланговъ, для предупрежденія обхода. Всѣ ихъ силы цѣликомъ использовались для удара, и это обезпечивало ихъ перевѣсъ въ каждой точкѣ, гдѣ они наступали. Наступленіе нѣмцевъ поддерживалось артиллеріей. Едва-ли въ это время враги имѣли на нашемъ берегу большое число батарей. Но ихъ орудія поспѣвали повсюду, чтобы облегчить продвиженіе впередъ ихъ пѣхотѣ.

Казалось бы, мы могли безъ труда противопоставить нѣмецкимъ орудіямъ нашу артиллерію. Но значительное число пушекъ мы потеряли наканунѣ. Артиллерію намъ приходилось подвозить за 15—20 верстъ. И подвезеннымъ къ району боевыхъ дѣйствій орудіямъ никакъ не удавалось занять позиціи и пристрѣляться. Въ дѣйствіяхъ артиллеріи проявлялась та же нерѣшительность, та же нервность, что и въ дѣйствіяхъ пѣхоты.

Были случаи, когда наши орудія снимались и уходили съ послѣдними цѣпями пѣхоты. Но были и другіе случаи: подъ вліяніемъ слуха о томъ, что пѣхота готова отступить, батареи покидали позицію и оставляли пѣхоту безъ поддержки и помощи.

Сказались плоды той травли, которая со времени тарнопольскаго прорыва велась опредѣленными кругами противъ солдатской массы. *Артиллерія потеряла вѣру въ пѣхоту, и въ результатѣ силы артиллеріи въ бою свелись къ нулю.*

Къ вечеру 20 августа, кромѣ артиллеріи, нѣмцы обратили противъ насъ еще другое, болѣе грозное оружіе,—въ воздухѣ надъ нашими частями загудѣли моторы множества германскихъ аэроплановъ.

Впервые съ начала войны нѣмцы пустили противъ насъ тучу *блиндированныхъ* аэроплановъ.

Это были аэропланы обыкновеннаго типа, снабженные снизу стальнымъ щитомъ, покрывающимъ моторъ, летчика и гондолу. Защищенные отъ ружейнаго и пулеметнаго огня, эти аэропланы

спускались къ землѣ на 150—200 метровъ и съ этой высоты метали бомбы безъ промаха.

Каждая эскадрилья блиндированныхъ аэроплановъ состояла изъ 4 машинъ. Съ четырехъ сторонъ слетались они къ намѣченному для атаки мѣсту. И приближаясь къ цѣли, они постепенно снижались, будто хищныя птицы, устремившіяся на добычу.

Трудно описать впечатлѣніе отъ такого налета аэроплановъ. Шумятъ въ воздухѣ моторы, стучатъ пулеметы, рвутся бомбы. Подымается бѣшеная ружейная и пулеметная пальба вверхъ. Но пули отскакиваютъ отъ груди стальной птицы. Неподвижно паритъ надъ головой блиндированный аэропланъ. И чувствуешь, что здѣсь не слѣпая опасность, какъ при полетѣ выпущеннаго откуда-то изъ далекой невидимой батареи снаряда. Здѣсь, надъ твоей головой, въ непосредственной близости отъ тебя — врагъ, неуязвимый для тебя и слѣдящій за каждымъ твоимъ движеніемъ.

Налеты аэроплановъ наносили намъ сравнительно небольшой матеріальный ущербъ. Но дѣйствіе этихъ налетовъ на психику, на моральное состояніе войскъ было убійственное.

Въ нѣсколькихъ мѣстахъ при налетѣ аэроплановъ начиналась паника. Я былъ свидѣтелемъ такой паники на дорогѣ, забитой обозами. Люди бѣжали въ безпорядкѣ, лошади бѣсились, повозки мчались впередъ, опрокидывались, летѣли подъ откосъ. Изъ-за деревьевъ гремѣла безпорядочная, безцѣльная стрѣльба. А надъ дорогой медленно рѣяли зловѣщія черныя птицы, рѣяли такъ низко, что, казалось, вотъ-вотъ зацѣпятъ онѣ распластанными крыльями за верхушки деревьевъ. И какъ ровныя, круглыя бусы тянулись за каждой птицей нити дымковъ пулемета.

Когда эскадрилья аэроплановъ, израсходовавъ свой запасъ бомбъ и пулеметныхъ лентъ, улетѣла, на дорогѣ остались изломанныя, исковерканныя повозки, трупы лошадей и людей. Посреди обломковъ безпомощно бились раненыя лошади, стонали раненые люди.

Я видѣлъ эту картину, и нѣтъ во мнѣ рѣшимости заклеймить, какъ предателей и трусовъ, всѣхъ тѣхъ, кого захватывала паника при полетѣ аэроплановъ, всѣхъ тѣхъ, кто поддавался страху при появленіи этихъ дьявольскихъ машинъ...

Къ ночи съ 20 на 21 августа нѣмцамъ удалось прорвать вторую линію нашихъ расположеній, приблизительно въ 10 верстахъ отъ Двины. Передъ этимъ въ рукахъ нѣмцевъ былъ плацдармъ въ видѣ неправильнаго треугольника, основаніемъ опирающагося въ рѣку, а вершиной обращеннаго къ сѣверу. Прорвавъ наши расположенія около вершины этого треугольника въ нѣсколькихъ мѣстахъ разомъ, нѣмцы устремились къ своей завѣтной цѣли, къ шоссе, соединяющему Ригу со Псковомъ.

Это былъ самый опасный, самый критическій моментъ рижскихъ боевъ. Армія наша была разрѣзана на-двое углубившимся къ нее клиномъ: создалась опасность, что два корпуса, находившіеся направо отъ мѣста прорыва, будутъ отрѣзаны отъ остальной арміи.

Тогда было принято рѣшеніе очистить Ригу.

V.

Цѣной очищенія Риги была куплена возможность отступленія на Венденскія позиціи нашей охраняющей Петроградъ арміи. Но отступать пришлось при крайне тяжелой обстановкѣ.

Дивизіямъ, стоявшимъ на лѣвомъ берегу Двины, пришлось вытягиваться къ новому мѣсту расположенія по открытому шоссе, и къ этому шоссе тремя колоннами пробивались германцы.

На долю корпуса, расположеннаго въ районѣ прорыва, выпала задача задерживать противника и прикрывать движеніе нашихъ частей и обозовъ по шоссе. Но одновременно съ этимъ корпусъ долженъ былъ, отгибая назадъ правое крыло, отступать постепенно къ востоку, чтобъ занять предназначенный для него участокъ Венденскихъ позицій. Части, продвигавшіяся по шоссе, въ свою очередь выставляли между шоссе и Двиной правые боковые арьергарды, отходившіе вмѣстѣ съ ними въ восточномъ направленіи отъ Риги къ новымъ позиціямъ.

Такимъ образомъ, отступавшія части все время находились подъ угрозой бокового удара, все время шли вдоль боевого участка, отдѣленныя отъ непріятеля узкой лѣсной полосой да живой стѣной арьергардныхъ отрядовъ.

Безконечной рѣкой тянулись по шоссе обозы, батаре, парки, части пѣхоты, толпы бѣженцевъ. Повозки мѣстами шли въ четыре ряда. Воинскія части разбивались, мѣшались, путались.

Не разъ вспыхивала паника въ этомъ человѣческомъ морѣ. Изъ лѣсу съ правой стороны отъ шоссе выбѣгали на дорогу люди съ крикомъ:

— Нѣмецкая кавалерiи! Спасайся!

И по толпѣ прокатывалась волна безпокойства. Постепенно ускорялся шагъ людей, и вдругъ толпа бросилась впередъ. Обозные соскакивали съ повозокъ и тоже неслись, сами не зная куда.

Черезъ минуту паника стихала. Снова выравнивались ряды повозокъ, снова взбирались на свои двуколки обозные, входила въ берега рѣка отступающей арміи.

Въ толпѣ замѣтили, что крики о нѣмецкой кавалеріи раздаются съ обѣихъ сторонъ дороги заразъ. Замѣтили также, что чаще всего такіе крики раздаются у мостовъ и тамъ, гдѣ дорога идетъ по высокой насыпи, надъ обрывомъ.

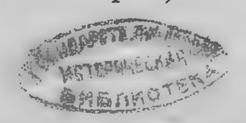
— Нарочно пугаютъ! Провокаторы! Шпіоны!

И, словно искра пролетѣла по толпѣ, на десятки верстъ запрудившей дорогу: стали ловить и убивать «провокаторовъ», кричавшихъ о вражеской кавалеріи.

Въ различныхъ мѣстахъ было убито такимъ образомъ свыше десяти человѣкъ. Приходилось сквозь пальцы смотрѣть на эти убійства,—въ нихъ выразилась самозащита толпы, ея борьба съ гибельнымъ для нея ядомъ паники. Приходилось смотрѣть на эти убійства, какъ на расправу толпы съ шпіонами, хотя никто не могъ съ увѣренностью сказать, кто сѣялъ слухи о нѣмецкихъ кавалерійскихъ разъѣздахъ,—шпіоны, или трусы, или просто легковѣрные люди.

Потерявъ огромное количество артиллеріи, взорвавъ орудія, которыхъ нельзя было вывезти, отступала отъ Риги наша армія. 21 августа послѣ полудня вышли изъ города послѣдніе отряды.

При прохожденіи нашей арміи черезъ Ригу было разграблено много магазиновъ. Люди, использующіе всякій случай для клеветы противъ революціонной арміи, поспѣшили воспользоваться

для своихъ цѣлей слухами объ этихъ грабежахъ,—и вотъ пошла гулять басня, будто сами солдаты сожгли и разграбили весь городъ.

Въ дѣйствительности, вотъ что происходило, по словамъ очевидца:

Русское населеніе Риги провожало наши отступавшіе полки со слезами, нѣмецкое населеніе — съ злорадствомъ. Владѣльцы многихъ русскихъ магазиновъ, отворивъ настежь двери, зазывали проходившихъ по улицѣ солдатъ:

— Заходите! Берите, кто сколько можетъ,—все равно нѣмцамъ достанется.

Въ то же время въ сосѣднихъ нѣмецкихъ магазинахъ двери были заперты, окна закрыты ставнями и желѣзными шторами. Среди солдатъ прошелъ слухъ:

— Прячутъ товары для своихъ, для нѣмцевъ!

Начали ломать двери, срывали ставни, били стекла, выбрасывали товары на улицу, часть товаровъ растаскивали. Къ солдатамъ присоединились подонки населенія, грабежи разраслись, приняли массовый характеръ, и справиться съ ними не могли ни казачьи патрули, ни милиціонеры.

Да! Въ Ригѣ были грабежи, и среди грабителей въ день оставленія Риги было немало солдатъ. Я не хочу утаивать и скрывать этотъ позоръ. Но каждому, кто захотѣлъ бы отвѣтственность за этотъ позоръ возлагать на *всю* нашу армію, я скажу:

Сотни нашихъ солдатъ участвовали въ этихъ грабежахъ, но въ это время другія тысячи, десятки тысячъ нашихъ солдатъ честно сражались и честно гибли, прикрывая путь отступленія своимъ братьямъ.

Въ это время мы не думали уже объ удержаніи плацдарма. Операція приняла съ нашей стороны характеръ отдѣльныхъ арьергардныхъ боевъ, причемъ всѣ наши усилія были направлены на то, чтобъ удержать узловые пункты и перекрестки дорогъ.

Въ войскахъ все сильнѣе сказывалась усталость. Въ одномъ мѣстѣ два нашихъ полка, принявъ другъ друга за непріятеля,

вступили въ перестрѣлку между собой. Были случаи, что пѣхота принимала за нѣмецкіе разъѣзды нашихъ же кавалеристовъ и казаковъ. Все слабѣе становились попытки нашихъ войскъ бороться съ противникомъ контръ-атаками. Но подъ вражескимъ огнемъ солдаты держались, по-прежнему, стойко. По крайней мѣрѣ, стойко держалось *большинство* ротъ и полковъ.

Не было случаевъ самовольнаго оставленія позицій воинскими частями. Но началась тяга отдѣльныхъ солдатъ съ позицій въ тылъ, въ безопасное мѣсто.

На дорогахъ появились кучки солдатъ, «разыскивающихъ» свои части. Они шли на р зыски своей части въ тылъ, туд , куда не долетаютъ нѣмецкіе снаряды. Встрѣчалъ я и офицеровъ, этимъ же способомъ уклонявшихся отъ боя.

Подозрительно участились въ это время и раненія въ руку— появились «самострѣлы».

Одинъ изъ начальниковъ дивизій, замѣтивъ это явленіе, приказалъ всѣхъ раненыхъ въ руку,—и «самострѣловъ», и не «самострѣловъ»,—послѣ перевязки отправлять обратно на позиціи. Эта мѣра была встрѣчена солдатами съ большимъ сочувствіемъ.

Армія отступала, орошая своей кровью каждую пядь отдаваемой непріятелю земли. Армія отступала, не думая о тѣхъ малодушныхъ, которые ради спасенія собственной жизни покинули ея ряды.

Но этихъ трусовъ видѣли и считали въ глубокомъ тылу, вдали отъ опасности. И здѣсь нашлись люди, которые сочли себя въ правѣ по этимъ бѣглецамъ судить о всей арміи, нашлись люди, позволившіе себѣ, на основаніи ухода изъ боя одиночекъ-малодушныхъ, говорить о томъ, что вся армія наша бѣжитъ.

И нашлись негодяи, говорившіе объ этомъ съ торжествомъ и злорадствомъ.

VI.

Армія вышла изъ критическаго положенія. Стоявшіе на лѣвомъ берегу корпуса благополучно вытянулись изъ мѣшка. Послѣ шестидневныхъ тяжелыхъ боевъ армія утвердилась на новыхъ позиціяхъ, преграждающихъ врагу путь къ Петрограду.

Но въ душѣ арміи осталась скорбь и тревога. Тяжелымъ камнемъ давитъ мысль солдата пережитое пораженіе.

И вспоминается все, что было въ недавнихъ бояхъ.

Было въ этихъ бояхъ много безпорядка, много неурядицъ. Артиллерія не поспѣвала во-время туда, гдѣ въ ней больше всего нуждалась пѣхота. То-и-дѣло оказывался недостатокъ патроновъ. Въ части, вооруженныя русскими винтовками, доставлялись негодные для нихъ японскіе патроны, и наоборотъ. Не хватало картъ, и офицеры не знали порой, въ какую сторону вести солдатъ. Связь между частями то-и-дѣло обрывалась, и иной разъ въ теченіе многихъ часовъ полкъ не зналъ, гдѣ его дивизія, а дивизія не знала, гдѣ ея полки. Санитарныя линейки запаздывали и раненые истекали кровью безъ помощи, безъ перевязки...

Не было на высотѣ въ минувшихъ бояхъ и командованіе.

Я говорю не объ ошибкахъ въ общемъ руководствѣ операціями, не о тактическихъ ошибкахъ, о которыхъ слишкомъ легко говорить послѣ каждой военной неудачи. Я говорю о низшемъ командованіи, отъ котораго въ значительной степени зависитъ исходъ борьбы въ каждой отдѣльной точкѣ боя. Въ рижскихъ бояхъ это низшее командованіе временами оказывалось очень слабо.

Младшіе офицеры, недавно выпущенные изъ школы и впервые попавшіе подъ сильный огонь, оказывались зачастую не въ состояніи разрѣшить самую простую задачу. То-и-дѣло происходили грубыя ошибки въ построеніи вводимыхъ въ бой частей. Зачастую именно эти ошибки приводили къ разрыву связи между частями и къ окруженію нашихъ отрядовъ.

Съ другой стороны, съ ужасающей ясностью сказывался упадокъ вѣры офицерскаго состава въ собственный авторитетъ и въ стойкость солдатъ. Часто офицеры *не рѣшались* дать солдатамъ приказъ о наступленіи, такъ какъ боялись, что солдаты ихъ приказа не исполнятъ. Нерѣдко офицеры давали приказъ отступить, такъ какъ *опасались*, что солдаты вотъ-вотъ покинутъ позицію самовольно, не дожидаясь приказа.

На моихъ глазахъ разыгрался такой случай:

Кавалерійскій генералъ, получившій приказъ силами нѣсколькихъ полковъ удерживать крайне отвѣтственный пунктъ на перекресткѣ дорогъ, далъ своему отряду приказъ объ отступленіи. Отрядъ отступилъ. На запросъ высшаго командованія о причинахъ отступленія генералъ сослался на силу вражескаго натиска и на то, что люди дольше держаться не могли. Но потери отряда убитыми и ранеными были настолько незначительны, что послѣдняя ссылка генерала вызвала недоумѣніе. Получивъ боевой приказъ собрать разсыпавшійся отрядъ и вновь занять очищенныя позиціи, генералъ отвѣтилъ:

— Невозможно! Люди не пойдутъ.

На это генералу было заявлено, что полученный приказъ онъ долженъ исполнить безъ разсужденій, подъ угрозой отрѣшенія отъ должности и преданія военно-революціонному суду.

Тогда генералъ побѣжалъ собирать свой отрядъ. И его приказъ о наступленіи не встрѣтилъ со стороны солдатъ ни единаго слова возраженія или протеста. Отрядъ занялъ назначенный пунктъ и удерживалъ его, несмотря на атаки противника, въ теченіе многихъ часовъ.

Подобныхъ преждевременныхъ приказовъ объ отступленіи было во время рижскихъ боевъ немало. Источникомъ ихъ была не трусость начальниковъ, а отсутствіе въ нихъ вѣры въ солдатъ.

Безпорядочное снабженіе, слабое командованіе, отсутствіе взаимнаго довѣрія между солдатами и офицерами и полная необученность войскъ—все это способствовало нашему пораженію подъ Ригой.

Но въ неменьшей степени способствовало нашему пораженію то моральное состояніе арміи, о которомъ я говорилъ, описывая ходъ боевъ: это отсутствіе вѣры въ побѣду.

Войска, лишенныя военной подготовки, необученныя и невѣрящія въ себя, въ свои силы, въ возможность и необходимость побѣды, не могли побѣдить. А войска, которыя не могутъ побѣдить, не могутъ и обороняться, ибо успѣшная оборона слагается изъ цѣпи частичныхъ побѣдъ и безъ частичныхъ побѣдъ невозможна.

Войска, которыя были у насъ подъ Ригой, не могли одер-

жать побѣду, такъ какъ не вѣрили въ нее. Они могли лишь честно отдать родинѣ свои жизни, честно сложить свои головы въ бою. И это дѣлали наши войска—они честно умирали подъ неодолимымъ *для нихъ* натискомъ враговъ.

И это будетъ и впредь, — до тѣхъ поръ, пока намъ не удастся преодолѣть и устранить условія, которыя привели насъ къ пораженію подъ Ригой.

Улучшимъ снабженіе и организацію войскъ!

Улучшимъ командованіе!

Возстановимъ взаимное довѣріе между солдатами и офицерами!

Повысимъ военныя знанія, боевую подготовку въ войскахъ!

Вернемъ арміи вѣру въ собственныя силы, вѣру въ побѣду!

Сдѣлаемъ все это—и побѣда вернется къ нашимъ знаменамъ, и армія совершитъ то, чего ждетъ отъ нея страна, чего требуетъ отъ нея спасеніе революціи.

Но разрѣшимы-ли поставленныя задачи? И гдѣ силы для ихъ разрѣшенія?

Сила, способная разрѣшить задачу возсозданія боеспособности арміи, существуетъ. Эта сила—въ выборныхъ солдатскихъ организаціяхъ и въ революціонной волѣ народа.

Солдатскіе комитеты сыграли большую и славную роль въ рижскихъ бояхъ. Представители комитетовъ были всюду, гдѣ была опасность, повсюду, гдѣ солдатская масса требовала слова ободренія и поддержки. Представители комитетовъ облегчали связь между полками, собирали разсѣявшіяся воинскія части, прекращали панику, помогали командному составу въ управленіи войсками. Безъ помощи солдатскихъ комитетовъ наша армія, сбитая съ позицій подъ Ригой, не сохранила бы при отступленіи свои силы и не удержалась бы на Венденскихъ позиціяхъ.

Армейскія организаціи—совѣсть и мозгъ нашей революціонной арміи.

Эти организаціи должны съ полной отчетливостью, съ полной ясностью оцѣнить положеніе, должны понять, что *путь къ демократическому миру лежитъ для Россіи черезъ упор-*

ные бои на фронтѣ, через успѣхи наших армій на полях сраженій.

Демократія Россіи должна напрячь всѣ силы для улучшенія *снабженія* фронта.

Солдатскія организаціи всѣмъ своимъ опытомъ должны придти на помощь высшему военному управленію въ его стремленіи къ *улучшенію командного состава арміи.*

Армейскія организаціи должны со всей энергіей продолжать свою спасительную работу по возстановленію *полнаго взаимнаго довѣрія между солдатами и офицерами.*

Армейскія организаціи должны добиться надлежащей постановки *обученія* солдатъ какъ въ тылу, въ запасныхъ полкахъ, такъ и на фронтѣ.

А главное—армейскія организаціи должны вернуть арміи *вѣру въ собственныя силы, вѣру въ возможность побѣды.*

Въ этомъ—урокъ боевъ подъ Ригой. Въ этомъ—спасеніе Россіи, спасеніе революціи.

10р

Д. Кузовковъ. «Какіе налоги установитъ Учредительное Собраніе».—Ц. 25 коп.
Л. Мартовъ. «Рабочій классъ въ Россіи и его требованія».—Ц. 50 коп.
В. Львовъ-Рогачевскій. «Почему не нужны цари?»—Ц. 25 коп.
А. Шиловъ. «Какъ возникло крѣпостное право и какъ оно пало».—Ц. 15 коп.
Н. Брюлова-Шаскольская. «Какъ жить народамъ между собою?»—Ц. 15 коп.
Филиппъ Гибсъ. «Душа войны».—Ц. 3 рубля.
Яшунскій. «Какъ будутъ произведены выборы въ Учредительное Собраніе?»—Ц. 50 коп.
Д. Мережковскій. «Первенцы свободы» (Исторія возстанія 14-го декабря 1825 г.).—Ц. 40 коп.
Евг. Труппъ. «Всенародное голосованіе законовъ и участіе всего народа въ законодательствѣ».—Ц. 15 коп.
В. Лункевичъ. «Права человѣка и гражданина».—Ц. 25 коп.
Бор. Черненковъ. «Проектъ основного земельнаго закона и его объясненіе» (соціализація земли).—Ц. 20 коп.
М. Вишнякъ. «Законъ о выборахъ въ Учредительное Собраніе».—Ц. 20 коп.
А. Гизетти. «Отъ декабристовъ до нашихъ дней».—Ц. 75 коп.
П. Масловъ. «Обоснованіе земельнаго закона».—Ц. 40 коп.
Изд. Агит. Лит. Отд. при Всер. Центр. Исп. Ком. С. Р. и С. Д. «Что читать?»—Ц. 25 коп.
Изд. «Рабочая Библіотека». «Программа и Уставъ Росс. С.-Д. Раб. Партіи».—Ц. 10 коп.

Только что вышли въ изд. Литер.-Агитац. Отдѣла Всеросс. Ц. К-та Сов. Р. и С. Д.

В. Войтинскій. «Паденіе Риги».—Ц. 25 коп.

Вниманію фронтовыхъ организацій.

Въ виду истощенія средствъ книжно-фронтового склада (складъ изъ Зимняго Дворца переведенъ въ Смольный Институтъ, комната 28, 3-й этажъ), Агитаціонно-Литературный Отдѣлъ извѣщаетъ всѣ фронтовыя организаци о томъ, что *безплатная выдача литературы прекращается.* Литература будетъ выдаваться фронтовымъ организаціямъ съ максимальной скидкой.

Пожертвованія и оплату пересылать по адресу Отдѣла.

Складъ изданія: Книжно-фронтовой складъ Всеросс. Центральнаго Исполн. Комитета Сов. Раб. и Солд. Деп. Петроградъ, Смольный Институтъ, комната 28, 3-й этажъ.

Тип. П. П. Сойкина